

Михаил Безменский (слева) и Игорь Житенев

02.06.2015, 20:00 Воронежская область

СТАТЬИ

Дело о вымогательстве убрали подальше от Москвы

ДО УРОВНЯ МАГАЗИННОЙ КРАЖИ

В Воронежской области скоро начнется рассмотрение дела о вымогательстве у Уральской горно-металлургической компании (УГМК). Обвиняемые — бывший активист движения «Стоп Никель» Михаил Безменский и бывший атаман казачьей автономии города Новохоперска Игорь Житенев, оба находятся под стражей. Ранее они участвовали в борьбе экологических активистов против добычи никеля в бассейне реки Хопер.

Правозащитный проект «Экоузник», мониторивший случаи преследования защитников природы, присвоил Житеневу статус «экоузника», то есть человека, попавшего в заключение «только из-за последовательных действий... по защите природы родной земли».

В апреле 2015 года, после отказа Генпрокуратуры утвердить обвинительное заключение, дело, заведенное

в Москве, было передано в Воронеж, где уже 30 апреля областная прокуратура утвердила документ. По информации, поступающей от родственников задержанных, прокуратура Воронежской области подписала обвинение вопреки позиции Генпрокуратуры. Заместитель генерального прокурора Виктор Гринь в заключении по делу указал, что обвиняемые получали деньги УГМК в соответствии с задачами, которые им ставили топ-менеджеры компании. «Очевидно, что в Воронеже и прокуратура, и суд сговорчивее и пугливее», — считает экологический активист Константин Рубахин, активно выступавший против деятельности УГМК.

В конце апреля 2015 года обвиняемых перевезли из Москвы в Воронеж. Сейчас принимается решение о месте проведения суда. Согласно данным от родственников арестованных, «воронежские суды не хотят работать по этому делу», и его перевели в районный суд города Новая Усмань, находящегося в 70 километрах от Воронежа. Это место никак не связано ни с пропиской обвиняемых, ни с обстоятельствами самого дела. Как отмечает Рубахин, в этом суде, «кроме кражи колбасы из магазина, никогда ничего не обсуждали».

КТО УПРАВЛЯЕТ ПРОТЕСТОМ?

Следствие настаивает на том, что активисты требовали деньги у представителей УГМК в обмен на обещание прекратить протестные действия. В постановлении о возбуждении уголовного дела говорится, что движения «В защиту Хопра» и «Стоп Никель» подконтрольны Безменскому и Житеневу. Обвиняемые якобы совершали противоправные действия, «которые выразились в применении насилия (избиения) сотрудников подрядных организаций <...>, умышленном уничтожении

их имущества <...>, а также распространении в средствах массовой информации сведений, дискредитирующих ООО „МСМК“ (Медногорский медно-серный комбинат — „дочка“ УГМК, планирует заниматься добычей и переработкой воронежского никеля — ОВД-Инфо)».

Столкновения между защитниками Хопра и сотрудниками охраны месторождений действительно были. В феврале 2013 года на участке месторождения произошла потасовка между казаками и руководителями предприятия «Воронежгеология», которое занималось геологоразведочными работами. А в мае 2013 года Игорь Житенев года был жестоко избит охранниками Еланского месторождения.

Пика протест в Прихопенье достиг в июне 2013 года. Досталось имуществу УГМК: массовый сход противников добычи никеля закончился поджогами буровых установок. Были возбуждены уголовные дела. Роман Хвостов, Дмитрий Черняев и Артур Петросян получили условные сроки по обвинению в применении насилия к представителям власти (год, полтора и два года соответственно). В поджогах был обвинен и приговорен к двум с половиной годам колонии-поселения активист Михаил Боярищев, хотя фотографии и видео **свидетельствуют** о его непричастности.

Согласно материалам дела, Михаил Безменский потребовал от представителей руководства УГМК денег и «содействия его назначению на должность главы администрации Поворинского района Воронежской области» — иначе, мол, акции будет продолжены. Советник генерального директора компании Петр Ямов перевел на счет Безменского более миллиона рублей и заплатил восемь с лишним миллионов за его машину, утверждает следствие.

Дело было возбуждено Следственным департаментом МВД 22 ноября 2013 года. Активисты указывают

на наличие у УГМК связей в Москве — поэтому и дело было заведено столичной полицией. В документах Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД, проводившего оперативно-розыскные мероприятия, упоминались и другие воронежские экологические активисты: Константин Рубахин, Татьяна Каргина, Марина Кокорина, жена Безменского Галина Чибирякова (ее фамилия написана с ошибкой — «Чибрякова») и «их неустановленные соучастники». Более того — в рапорте, составленном еще в августе 2013 года, говорится, что Безменский, Каргина, Кокорина и «Чибрякова» являются «наиболее активными участниками» «организованной группы, состоящей из радикально-настроенных граждан-активистов оппозиционных движений», а Рубахин — их лидер (Житенев в этих документах не упоминается). Все эти люди названы организаторами июньских массовых беспорядков.

Важно отметить, что уже летом 2013 года Безменский и Чибирякова вышли из организации «Стоп Никель» (к движению «В защиту Хопра» они и не имели отношения), а позднее вообще перестали заниматься протестной деятельностью. Житенев лишь оставался членом общественного совета движения «В защиту Хопра», а от руководства казачьей автономией был отстранен.

Безменский в письме утверждает, что протесты «провоцировались самими сотрудниками УГМК. Дело в том, что борьба с населением была очень выгодным делом, т. к. на это выделялся хороший бюджет (подкуп активистов, строительство заграждений, взятки чиновникам и т. п.)». С этим согласен и Рубахин: «Частично, разумеется, они могли что-то спровоцировать, потому что они, насколько я понимаю, пилили какой-то

бюджет, который выдавался на умиротворение нас. За охрану надо отчитываться, а за подкуп — нет».

Переговоры с представителями руководства УГМК, судя по материалам дела и рассказам самого Безменского, действительно велись. В расшифровке разговоров Безменского с председателем правления компании Олегом Мелюховым идет речь и о деньгах, и о машине, и о месте главы администрации Поворинского района. Однако очевидно, что не Безменский ставит условия, а, наоборот, Мелюхов таким образом уговаривает активиста повлиять на протестующих, «чтобы там не было массовых беспорядков». Из материалов дела видно, что Безменский должен был также передать деньги Житеневу, чтобы тот «решил вопрос» с казаками. Серьезнее других, судя по расшифровкам, беспокоил представителей УГМК Рубахин, который, по словам Мелюхова, «вышел на все эти белоленточные движения», в результате чего у вполне лояльных к российской власти защитников Хопра стали появляться лозунги вроде «Долой Путина». Безменский обещал с ним разобраться. По словам Рубахина, Безменский был не против такого сотрудничества с УГМК.

Житенев на допросе рассказал, что замгендиректора компании Юрий Немчинов кричал на него, ругал казаков, которые не дают проводить работы на месторождениях, и предлагал деньги «за урегулирование конфликта». (Безменский утверждал, что Немчинов в ходе этого разговора спаивал Житенева.) На это Житенев, согласно расшифровке разговора с Немчиновым, говорил, что убрать может только «своих». В ходе беседы он демонстрировал явное нежелание брать деньги и говорил, что если и возьмет их, то раздаст казакам. О других протестующих, в том числе о Рубахине, он отзывался крайне отрицательно.

При этом в показаниях Петра Ямова указывается, что «требования о передаче <...> денежных средств» не только

«Безменскому М.С., Житеневу И.А.», но и «Рубахину К.В., Чибиряковой Г.В. и их соучастникам» «за прекращение противоправных действий в отношении ООО „УГМК-Холдинг“ продолжаются и в настоящее время». Ямов заявляет и об угрозах, не указывая, от кого конкретно они исходят.

КАК БИЛИ И ЛОВИЛИ

26 ноября 2013 года Безменского задержали. Позднее было опубликовано его письмо, в котором он описал, как происходило задержание. По словам Безменского, в тот день он встретился с Немчиновым, который вручил ему 15 миллионов рублей, пояснив, что семь он может взять себе, еще семь должен отдать Житеневу и еще миллион — активистке из Новохоперска Нелли Рудченко (об этом в ходе переговоров речь не шла). После этого, как рассказывает Безменский, на него «набросилась куча оперативников», его сильно избили, угрожали, что посадят и его жену.

Затем Безменского, по его словам, на машине УГМК повезли в Борисоглебск, где он передал Житеневу уже почему-то не семь, а все 15 миллионов, после чего Житенев тоже был арестован. Задержали и жену Безменского Галину Чибирякову. Всех троих отвезли в Москву. Здесь Безменского, по его словам, опять били, снова звучали угрозы. Житенева тоже били, пишет Безменский.

Следующей целью ГУЭБиПК МВД был Константин Рубахин — Безменский рассказывает, что беседовавший с ним сотрудник управления велел ему позвонить Рубахину и предложить денег. Как потом узнал Безменский, это был заместитель начальника ГУЭБиПК Борис Колесников, который был арестован в феврале 2014 года по обвинению в превышении должностных полномочий, а в июне того же года, по официальной

версии, покончил с собой, выбросившись из окна Следственного комитета во время допроса.

Безменский позвонил Рубахину и предложил встретиться. Рубахин в ответ назначил ему встречу в кафе «Мастерская». «Я сел там в „Мастерской“, поработал — что-то он не идет, — рассказал Рубахин ОВД-Инфо. — Я ему позвонил, он говорит: не могу выйти, лучше ты ко мне приходи. Я отвечаю: тогда я поехал. Собираюсь уезжать. В это время мне звонят с Хопра и говорят: вчера Безменского днем арестовали. Я собираюсь еще быстрее. В это время Миша звонит, говорит: я сейчас подъеду, все нормально. Я к этому времени уже вышел из кафе. Тут звонит консьержка из дома, говорит, что у меня засада. И я уехал». Безменский пишет, что Рубахина не удалось задержать, «т. к. оперативники собирались очень медленно».

Рубахина так и не нашли. «Я поскитался по Москве пару недель. Было видно, что за мной следят: как только я уходил с квартир, там вырастали опера», — рассказывает он. Об обыске в одной из квартир, где жил Рубахин, ОВД-Инфо **приходилось писать**: хозяйки квартиры не было в Москве, ее отца вызвали с лекции, чтобы он приехал и открыл дверь, угрожая, что в противном случае квартиру взломают. В настоящее время Рубахин находится за пределами России. Он утверждает, что его переговоры по телефону и скайпу прослушиваются, все передвижения его друзей по России и за рубежом «на контроле до сих пор».

«Если бы я оказался на допросе, я сразу очутился бы в тюрьме», — уверен Рубахин.

Тем не менее в деле он фигурирует только как свидетель. В отношении Татьяны Каргиной и Марины Кокориной

не было предпринято никаких действий. По мнению Рубахина, преследование Каргиной, поддерживающей отношения с международными экологическими организациями, вызвало бы большой скандал. Чибирякова же находилась в Москве в квартире, снятой оперативниками, и Безменского, по его словам, продолжали шантажировать тем, что его жена пострадает. Сама Чибирякова перенесла два инсульта. В настоящее время ее местонахождение неизвестно.

От Безменского, в частности, требовали, чтобы он отказался от адвокатов, которых наняли его родные. Адвоката Руслана Чанидзе, которого все-таки пригласили родственники, долго не пускали к подзащитному в СИЗО. Зато адвокат по назначению, которая присутствовала на первых допросах, призывала Безменского не спорить с оперативниками и согласиться на заключение под стражу.

Безменский рассказывает, что был вынужден читать на диктофон и на видео «некие заготовленные „признания“» и подписывать заготовленные показания на себя и Житенева (чтобы потом попытаться оспорить их в суде, он ставил не свою подпись). В протоколе допроса Безменского, в частности, утверждается, что Рубахин рассказывал, как он в Европе «проплатил» ученых-экологов, чтобы они написали «ложные» научные работы о вреде разработки никелево-медных руд в Новохоперском районе. Там же говорится, что Безменский с Чибиряковой, заручившись поддержкой других активистов, приняли решение «начать политическую карьеру и идти во власть» и платили журналистам авансы от 50 до 120 тысяч рублей за «провокационные статьи о компании». Безменский якобы угрожал сотрудникам компании, что они «продолжат организовывать массовые беспорядки, связанные с уничтожением имущества УГМК, а также действия по дискредитации ее деятельности через

средства массовой информации», если их условия не будут выполнены. На видео, показанном по НТВ, Безменский говорил, что идея получить деньги с УГМК принадлежала Рубахину: он поручил это дело Житеневу, а сам Безменский был якобы лишь исполнителем

В конце марта 2014 года Безменского отвезли на допрос в Следственный департамент МВД, где с ним разговаривал советник гендиректора УГМК Петр Ямов, по-хозяйски расположившись в одном из кабинетов («Конвойные позже мне сказали, что никогда такого не видели», — пишет Безменский). Ямов, по словам Безменского, требовал от него подписать досудебное соглашение со следствием, которое будет использовано, чтобы «кое-кого закрыть». «Некоторые сотрудники ФСБ и МВД Воронежа не делают того, что им говорят, поэтому их будем сажать, — цитирует Безменский слова Ямова. — За это ты, Михаил, получишь очень маленький срок, квартиру, работу в компании и хорошие деньги».

«УДАР СРАБОТАЛ»

Позднее, однако, отношение следователей изменилось: они стали предлагать Михаилу согласиться на менее тяжкое обвинение в мошенничестве, с тем чтобы получить условный срок. Безменский связывает это с процессом по делу Бориса Колесникова и его начальника Дениса Сугрובה: их обвинили в фабрикации уголовных дел и провокациях: по словам Безменского, о подобных методах работы ГУЭБиПК свидетельствовали и видеозаписи из материалов его уголовного дела. Кроме того, Ямов в разговоре с Безменским признавался, что дружит с Сугробовым.

«Если бы Сугрובה и Колесникова не уволили, а потом арестовали, вряд ли я дожил до сегодняшнего дня, да и доказать что-то было бы невозможно, т. к. в СМИ очень мощно пиарили заслуги ГУЭБиПК, как они поймали

подонков Безменского и Житенева, страшных вымогателей у такой беззащитной компании как УГМК-холдинг», — пишет Безменский. Он уточняет, что решился написать это письмо только после ареста Сугрובה и Колесникова, поскольку полагает, что теперь ему и его родным ничего не угрожает. От признательных показаний он отказался. При этом после того, как адвокат Чанидзе направил в ФСБ и Следственный комитет заявление с просьбой проверить факты из письма его подзащитного, Безменского в СИЗО перевели в камеру с худшими условиями содержания.

Обвинение было переквалифицировано с вымогательства на мошенничество, однако прокуратура отказалась утверждать эту версию обвинения. В настоящее время Безменский и Житенев обвиняются в вымогательстве в особо крупном размере. Адвокат Житенева Алексей Ветринцев заявил в разговоре с ОВД-Инфо: «Если исходить из материалов, которые имеются в деле, утверждение обвинительного заключения не соответствует целям нашего правосудия. Никакого состава преступления мы не видим».

В марте 2015 года следователь Олег Сильченко (включенный в «Список Магнитского») упоминал фамилию Рубахина, говоря о наличии установленных соучастников по делу. Однако в деле пока двое обвиняемых. «Конечно, им хотелось меня взять, — говорит Рубахин. — Но то, что я уехал, для них тоже хорошо, потому что шуму поменьше». Активист признает, что тем, кто стоит за этим делом, удалось скомпрометировать и фактически остановить протест: «Они его остановили меньшими репрессиями. Если бы людей было больше, был бы скандал. А так люди перессорились — они же помогают ссориться, рассказывают через своих агентов, как я понимаю, что активисты брали деньги у компании, знали, на что шли. Удар сильно сработал по всем направлениям».

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Хопер

7 3

Добыча никеля в Прихопенье вызывает недовольство у местных жителей. Протесты стали причиной для заведения уголовного дела на двух их бывших участников.

Хоперское дело

1 6